

**ЧИТАЙТЕ ДРУГИЕ КНИГИ
БЛЕЙКА КРАУЧА:**

Трилогия «Сосны»

Сосны. Город в Нигде

Сосны. Заплутавшие

Сосны. Последняя надежда

Отдельные романы

Пустошь. Дом страха

День закрытых дверей

Преодоление

Абандон. Брошенный город

Западня. Занесенные снегом

Беглецы. Неземное сияние

Хорошее поведение

Темная материя

ЧАСТЬ I

31 МАРТА

В середине нашей жизненной дороги,
Объятый сном, я в темный лес вступил,
Путь истинный утратив в час тревоги.

*Данте Алигьери,
«Божественная комедия»¹*

Джессика Шедд
31 марта, 01:45

По типуажу он ей не соответствовал. Начать с того, что слишком стар. Лет сорок пять — сорок шесть (то есть старше на полтора десятка лет), к тому же знаться с длинноволосыми было не в ее пра-вилах. Возможно, виной тому ее затянувшийся пота-енный стыд за увлеченность Майклом Болтоном² в начале девяностых.

Хуже того, подошел он к ней без всяких заигры-ваний.

Просто оседлал рядом свободный стул и спросил:
— Ничего, если я тут побуду?

И надо же: прошло без малого четыре часа, а они все еще разговаривали у стойки в «Трактирщике»; бо-лее того, она согласилась, чтобы он взял её очередной бокал отменного новозеландского совиньона, которым она угощалась весь этот вечер.

Как раз в тот момент, когда бармен поставил перед ней свежий бокал и наливал в него из бутылки, она поняла, что на стуле ее, по всей видимости, удержива-ли глаза Роба; именно они не давали ей ускользнуть, в очередной раз отпросившись в тесную женскую убор-

¹ Пер. Д. Мина.

² Майкл Болтон (наст. имя Михаил Болотин; р. 1953) — аме-риканский певец, исполнитель любовных баллад.

ную (фокус, который она прежде практиковала многократно). Да, глаза Роба были непроницаемо темны и пристальны, но они еще... вслушивались. Таких мужчин она не помнит когда и встречала — может, годы назад. Большинство зануд, что на нее западали, возможно, и были внешне упакованы — тысячедолларовый прикид, парфюм и прочие аксессуары чикагских пижонов, что выпячивают свой холостяцкий статус и состоятельность, а сами сплошь пустозвонные, одержимые собой зануды.

Все эти рекламисты, юристы-финансисты, управленцы-назначенцы, какой-нибудь там фонд-менеджер, мнящий, должно быть, что в центр она прикатила только затем, чтобы выслушивать во всех дотошных деталях, как смотрится его новая тачка и зимний домик на горнолыжном курорте, или какой это адреналиновый кайф («Ну как тебе это объяснить, детка? Типа наркотик или секс, ты понимаешь?») — делать то, что они там вытворяют с чужими деньгами.

Однако Роб был не таким. Явно.

Вечерами, что проходили у нее в поисках подходящей партии, разговорчивостью она не отличалась. Просто сидела, пригубливая коктейли, и вежливо выслушивала, пока хватало терпения изображать интерес.

Но сегодня разговаривала в основном *она*, а он, не перебивая и вроде бы с искренним участием, слушал ее излияния насчет работы в Фонде пожарного страхования, где она работала оценщицей ущерба.

И вопросы задавал по существу, не о постылой текучке, а насчет перспектив — где и кем она думает быть лет через пять, через десять.

Да и вид у него не *такой уж* и дурной.

Для такого места можно было одеться и посолидней, но по правде сказать, потертые джинсы, ковбойка и черные сапоги лишь оттеняли ореол мужественности.

Он настоящий.

Действительно, парень, который, возможно, и в центр выбрался по той же причине, что и она: встретить кого-нибудь, кто привнесет смысл в невыносимую монотонность рутины, от которой жизнь, как у нее, просто из рук вон.

Бармен — юнец, весь в пирсинге и тату (непонятно даже, как такому вообще разрешают торговать алкоголем) — подался вперед и спросил:

— Чтоб вы знали: мы через десять минут закрываемся. Что-нибудь еще?

Роб поглядел на Джессику:

— Еще по одной, пока нас отсюда не пнули?

Джессика вскользь глянула на свой бокал: там оставалось еще на пару глотков. Хотя, конечно, можно было б и еще с учетом того, с какой легкостью пропархивают внутрь нотки маракуйи и лайма. Но не хотелось на первом же вроде бы успешном свидании показаться выпивохой.

— Да, наверное, хватит уже.

Роб расплатился за обоих рулончиком нала, после чего встал и помог ей вдеться в рукава секонд-хендовской куртки от Мартина Марджелы (ей до сих пор иной раз становилось неловко от мысли, во сколько она обошлась).

— Спасибо, Роб, — поблагодарила она.

— Не за что, Джессика.

Проходя через пустынный ресторан, где официанты уже застилали свежими скатертями столы, ставили фужеры и раскладывали на завтра приборы, она чувствовала приближение неловкого момента. Через десять секунд они окажутся на тротуаре, и в воздухе повиснет вопрос, кончен вечер или это лишь его начало. Переспать с Робом она не согласится — это она знала точно.

Но чтобы чуток, на сон грядущий, накатить у него или у нее? В этом, собственно, ничего дурного нет.

Роб толкнул дверь, и они вдвоем вышагнули в прохладу весенней ночи.

Сунув руки в карманы, Джессика остановилась возле бордюра, вполглаза высматривая такси, а вполуха ожидая, не предложит ли он чего.

— Как здорово, что я все же решился спросить, свободен ли рядом с тобой стул, — сказал Роб.

— Да, в самом деле хорошо. — откликнулась Джессика. — Вечер реально был приятный.

«Ну давай же, продолжай. Я шлю тебе сигнал. Если б я хотела, что на этом у нас всё, я бы уже распро...»

— Слушай, а что, если мы, несмотря на поздний час, немножко прогуляемся? Ты не против?

Роб протянул руку (пока самый отважный ход с его стороны), и она немножко расслабилась.

— Прогуляться? А что, классная идея.

Она взяла его за руку, чувствуя под рукавом тугие веревки мышц.

— Допустим, к реке, — предложил Роб. — Ночь-то какая дивная.

По Вест-Фултону они направились на восток; облака в ночном небе мутновато подсвечивались отражением городских огней.

— Забавно, — произнес Роб, когда они проходили под автострадой Кеннеди. — Я уже три понедельника подряд провожу как сегодня. И хоть бы одна из женщин пригласила меня присесть. Ты первая.

— И хорошо, что так поступила, — сказала Джессика. — Я тоже часто так выхожу.

— Сама, одна?

— Ну да. Ведь... так сложно с кем-то познакомиться.

— Познакомиться с тем, с кем надо.

— Точно, — грустно усмехнулась она. — Все такие неискренние. Фальшивые.

— Эпидемия современности, — вздохнул Роб. — Никто не говорит, что у него взаправду на уме. Эдакая игра наших дней. Состязание, кто кого перемудрит.

— Здесь мы с тобой абсолютно совпадаем, Роб.

Улицы были тихи, последние кутилы выползали из баров и разбрелись в поисках своих машин или ночных такси.

Впереди высился помаргивающий огнями муравейник даунтауна с дремливыми в этот час громадами зданий; потягивало промозглой, ощутимой на запах сыростью реки.

Они тронулись вверх вдоль Северного канала, где стылым стеклом струилась Чикаго. На полпути через мост на Кинзи-стрит Роб остановился, и они вдвоем, облокотившись о парапет, стали смотреть вниз, на плавность течения. На мерцание огней центра.

Удобный момент молчания. А возможно, что и хорошее предзнаменование, разделенное при первой встрече.

Роб указал на старый железнодорожный мост Кинзи-стрит:

— Ты когда-нибудь видела его вблизи? В смысле, с берега?

— Я пешком на ту сторону вообще никогда не ходила.

— Ну так давай?

— В самом деле?

— А что, идем!

Сухим и твердым пожатием он взял ее за руку, и они, убыстрив шаг, двинулись через мост, а затем на юг по набережной. Роб шел так целенаправленно и быстро, что Джессика за ним едва поспевала.

— Ты уверен, что туда пускают? — спросила она со спины.

— Ну а как же. Город наш.

Шел третий час ночи, когда они подошли к основанию старого моста. Он вздымался к небу своими разведенными створками, застывшими над рекой под углом в сорок пять градусов.

Где-то вдали провыли сирены, но в остальном город был, можно сказать, благостно тих.

Прямо-таки снежное затишье, как после метели.

Нет даже машин, кроме одного белого минивэна возле бордюра.

Роб с вкрадчивой нежностью ее приобнял.

Накренив голову, она припала к его плечу. Если слиться в поцелуе, то сейчас, пожалуй, самое время — вот так, здесь, совсем одним у реки, будто они единственные, кто не спит в этом роскошном городе.

Роб сейчас задумчиво смотрел куда-то вверх, на ажурные стальные конструкции моста. Если сейчас вывести его из задумчивости, поймать его взгляд, то поцелуй непременно произойдет.

Достойная кульминация этого щедрого на сюрпризы вечера.

— Хочешь скажу, о чем ты сейчас думаешь? — вполголоса, чувственно произнесла она.

Знобко-восторженно билось сердце; честно сказать, поцелуев с мужчинами у нее не было вот уже больше полугода.

Наконец Роб посмотрел на нее сверху вниз.

— Мне подумалось, Джессика, — сказал он, — как красиво ты бы смотрелась висящей на этом мосту, над водой.

Хмель сразу рассеялся.

Она глядела снизу вверх, оторопело прокручивая его слова. Нет сомнения, она сейчас ослышалась. Но его хватка на плече сделалась крепче, жестче.

— Ты думаешь, не ослышалась ли ты?

Рот Джессики заполнил непонятный железистый привкус, сердце птицей билось о ребра, а ноги сделались какими-то чужими, ватными.

— С удовольствием повторю, — сказал он. — Ты будешь очень красиво свисать с этого моста. Над водой.

— Роб...

— Я не Роб. Зови меня лучше Лютер. Лютер Кайт. Ты, наверное, обо мне слышала? Если нет, то жаль. Убийств на мне — пробу ставить негде.

Она завопила, но вопль тут же пресекла притиснувшая ко рту ладонь. Все произошло так быстро и с та-

кой грубой силой: ее голова угодила в изгиб его руки, и он поволок свою жертву в тень, к основанию старого железнодорожного моста.

«Баллончик. У меня же есть перцовый баллончик».

Он в сумочке, где-то на дне. Она к нему не прикасалась с той самой поры, как купила два года назад после уроков самообороны вместе с Нэнси и Маргарет.

Он затащил ее в темень, поднял (Джессика чувствовала пару секунд, что висит в воздухе), а затем она грянулась спиной оземь так, что отшибло дыхание.

Перед глазами пропархивали искры, как от бенгальского огня; было трудно дышать, да еще и в голове все путалось от слепой паники. Но левая рука была, слава богу, свободна. Сумочка лежала внизу, и ей удалось двумя пальцами раздернуть на ней «молнию». В этот момент в ухо жарко зашептал голос:

— Больше чтоб без воплей. Ты меня поняла?

Отчаянный кивок в ответ.

— Будешь вопить — тебе же хуже. *Намного* хуже.

Она пихнула руку в сумочку, но доступа к заднему карманчику не было: он был вмят в землю под совокупным весом Джессики и этого чудовища.

— Если я уберу руку с твоего рта, ты будешь вести себя тихо?

Она снова кивнула, а пальцы уже елозили по головке баллончика, примеряясь, как ладнее схватить. Грудь ходила ходуном. Даже сильные нагрузки в фитнесе, когда пульс, кажется, стучит на пределе, нельзя было сравнить с таким беснованием сердца.

Монстр отвел руку, и она впилась в него распахнутыми глазами, между тем стараясь незаметно вытянуть из-под себя зажатый в ладони баллончик. По-прежнему придавливая ее собой, монстр одной рукой обжал ей горло, а другой потянулся и вынул что-то из черного рюкзака, которого Джессика при нем

раньше не замечала. С собой он его таскать не мог. Значит, просто держит его здесь, в этом самом месте.

— Я дам тебе сделать со мной все что хочешь, — испуганной скороговоркой зачастила она, стараясь унять дрожь в голосе, — только не истязай меня. Не мучь, ради всего святого. Я никому ничего не скажу, клянусь. Просто хочу жить. Жить хочу, слышишь?

Лютер ухватил ее правое запястье.

— Дай сюда руки, — скомандовал он.

В тот момент как он тянулся к ее левой руке, наружу удалось выпростать газовый баллончик.

Палец нащупал кнопку.

Легкое текучее мгновение, и баллончик смотрит Лютеру в лицо, а палец жмет; при этом толком даже не видно, направлена ли эта хрень в нужную сторону. Дай-то бог, чтобы ему прямо в харю. Ему, а не мне.

Перечный газ пшикнул куда-то вбок, а монстр вышиб баллончик у нее из ладони.

Лютер сверху ослабил, а Джессика от ужаса окаменела так, что даже не отреагировала на то, как он ее перевернул, закрутил руки за спину и стянул их толстой пластиковой петлей.

Когда он снова уложил ее на спину, она жалобно залепетала:

— Ну пожалуйста... Ну что ты от меня хочешь? Что мне для тебя сделать?

Теперь она плакала, а едковатая привонь мочи в воздухе шла от нее.

— Только не бейся в истерике. А то задохнешься, и вся наша забава насмарку.

Он полез в рюкзачок и достал из него моток скотча. Оторвав кусок, переклеил им Джессике рот, чтобы больше точно не завопила.

На мгновение ее обожгли и ослепили слезы.

А проморгавшись, она увидела нож с кривым лезвием, каким-то неведомым краешком сознания отметил, что он похож на коготь хищной птицы.

Теперь она стонала сквозь скотч, мычаньем умоляя не делать этого и бессвязно, отчаянно что-то обещающая.

Он уселся на нее сверху. Руки Джессики были скручены за спиной — как ни извивайся, мучителя с себя не скинуть.

Лютер огляделся через плечо, наспех охватывая взглядом речную набережную. Джессика тоже повернула голову и через клочковатую траву с безысходностью увидела, что там никого.

— Я же сказал, — перехватил он ее взгляд, — город наш.

Ухватив за подбородок, он повернул ее голову к себе. Она неотрывно смотрела ему в глаза, пытаясь сквозь темень высмотреть в них хоть что-нибудь, но не увидела там ни сострадания, ни жалости, ни вообще чего-нибудь человеческого. Перед ней был нелюдь.

— Ну что, момент наступает, — сообщил он. — Ты готова?

Она качнула головой, снова ослепленная выступившими слезами.

— Брыкаться бесполезно, это ничего не изменит. Ближится твой последний миг. Мой тебе совет: постарайся встретить его достойно. Не знаю, поможет ли, но тебя я выбрал не из-за какого-нибудь там изъяна. Женщина ты была вполне себе ничего, милая, и я уверен, тот самый Роб или еще кто-нибудь наверняка бы нашел в тебе свое счастье. Тебе просто не повезло, только и всего. Ты была лишь одной из многих, за кем я наблюдал. Если б на крючок попалась какая-нибудь другая Шедд, мы б с тобой не сблизились.

«Простите» было единственным словом, которое сейчас беззвучно шепнула она. За все то, что не сумела или не решилась сделать из никчемной боязни или по лености. Она просила людей, с которыми обращалась дурно, просила за отношения, порушенные ее гордыней. За свою черствость к родителям, которых изводила по пустякам. Но более всего за годы, прожи-

тые попусту в ожидании кого-то, кто натолкнет, направит, довершит ее развитие, в то время как трудиться над всем этим надо было самой.

Слезы теперь текли безудержно, и темные глаза нелюдя прищурились.

— Не плакал я, окаменев душою¹, — строптивым шепотом заметил он.

Его голос вырвал ее из ошеломительного раскаяния и обуял безудержным ужасом. Зажмурившись, она завопила отчаянным последним воплем, и голос этот заскользил по реке, слившись с плавным током струй.

— Ничего, завтра о тебе напишут, — утешил он. — Еще и прославишься.

Открыв глаза, она увидела, что тем самым когтем он указывает на вывеску небоскреба «*Chicago Sun — Times*», реющую зеленоватым неоновым облаком.

После этого он пустил в ход свой нож.

Закромсал.

Джек Дэниэлс
31 марта, 09:15

— Нервишки?

Я поглядела на Фина, сидящего со мной в приемной неотложки, а затем снова на свои кроссовки. Действительно: нога притопывала так, что того гляди, липучка расстегнется. Ненавижу липучки. Это, можно сказать, объявление: «Гляди, честной народ! Мне плевать, как я выгляжу!»

А что, и вправду. Бальным туфелькам от Сен-Лорана (четыреста долларов пара) я теперь предпочитаю растоптанные кеды, так как мои слоновьи стопы не влезали больше ни во что, хоть отдаленно сексапильное. На талии едва не лопалась майка-большемерка, а

¹ «Божественная комедия», пер. Д. Мина.

шорты были настолько в обlipку, что и две расстегнутые сверху пуговицы не спасали. Не тело, а гнусная карикатура — и все это стараниями чужого, что сейчас вызревал внутри меня. Но и испортить мою внешность ему, как видно, было мало: сейчас он вознамерился погубить меня окончательно. Короче, прикончить.

— Фи. При чем здесь нервишки? — ответила я, но вышло как-то резко, я так не хотела. Кондиционер работал ни шатко ни валко, а от лимонного запаха свербило в носу и ломило голову.

— Мне что так, что эдак: все равно смотрю как Шалтай-Болтай.

— Джек, перестань. Ты выглядишь просто красавицей.

Фин, потянувшись, взял одну из моих потных ладоней.

— Терпеть не могу, когда ты так говоришь.

— Тем не менее это правда. Ты буквально цветешь.

Его васильковые глаза были так чисты и безмятежны, что вот так бы взяла и мазнула ему по губам. А потому я отвернулась, предпочитая смотреть на других бедолаг, что торчали здесь в приемной.

Приемная неотложки: хуже места не бывает. Разномасштабное собрание персонажей, сведенных воедино скверными новостями и обстоятельствами. Хотя не сказать, что в кабинете моего акушера-гинеколога намного лучше. У нее приемная обычно заполнена кулушками вдвое моложе меня, которые неуемно щебечут. И их вопрос ко мне неизменно один и тот же: «А сколько вам лет?»

Достаточно, чтобы понять: надо было думать, прежде чем залетать в таком преклонном возрасте.

С минуту пальцы Фина поглаживали мне руку, а затем вкрадчиво оплели запястье. Я выдернула ладонь:

— Перестань.

— Да я просто проверяю, — сознался он пристыженно.